

М.Е. Салтыков-Щедрин

Рецензии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С16

Салтыков-Щедрин М.Е.
С16 Рецензии / М.Е. Салтыков-Щедрин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 430 с.

ISBN 978-5-4241-2002-2

Михаил Ефграфович Салтыков - Щедрин, гениальный художник и мыслитель, блестящий публицист и литературный критик, талантливый журналист, был одним из самых ярких деятелей русского освободительного движения.

Его дар - явление редчайшее. трудно представить себе классическую русскую литературу без Салтыкова - Щедрина.

ISBN 978-5-4241-2002-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© М.Е. Салтыков-Щедрин, 2021

РЕЦЕНЗИИ

ГЕОГРАФИЯ В ЭСТАМПАХ, С ПОВЕСТЯМИ И КАРТИНАМИ ПО ПРЕДМЕТАМ ГЕОГРАФИИ. Сочинение Ришоме и Альфреда Вингольда. Рисунки Людовика Лассаль. На фран- цузском и русском языках. С.-Петербург. 1847

КУРС ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ. Сочинение Владимира Петровского,
профессора Ришельевского лицея. С.-Петербург, 1847

Книга гг. Ришоме и Вингольда написана с целью весьма похвальной. Они хотели соединить в своем изложении приятное с «полезным», сделать свою науку занимательною и доступною для детей, — одним словом, пробудить в ребенке потребность знания, желание ознакомиться ближе с географией. Но одного благого намерения все-таки недовольно: нужно еще и хорошее исполнение, а его именно и недостает в разбираемой нами книге. Судя по заглавию этого сочинения, мы ожидали от него живых, в разнообразной и драматической форме изложенных рассказов о местных особенностях каждой страны, о замечательнейших ее памятниках, о нравах, обычаях, промыслах ее жителей, и заранее радовались за детей, что послала им, наконец, судьба такую книгу, где вместо вздорных так называемых нравоучительных повестей они могут найти много любопытных и полезных сведений. Тем неприятнее были мы поражены, когда увидели, что сочинители «Географии в эстампах» поступили точно так же, как поступают обыкновенно издатели детских книжек. Книга их состоит из шестнадцати повестей; каждой из них предшествует изложение собственно географических сведений. Сведения эти составлены с изумительной сухостию и краткостию: в них показываются сперва границы каждой страны, а затем следует голая номенклатура гор, городов, губерний и т. д. Скажите, например: есть ли для ребенка какая-нибудь возможность заучить без особого, неестественного напряжения сил названия восьмидесяти шести департаментов Франции? А между тем эти названия занимают почти половину всего собственно географического сведения, сообщаемого сочинителями об этой стране. Само собой разумеется, что дети пропустят эту статью, как неинтересную и неприятную, — и примутся прямо за повести. А уж повести, помещенные в «Географии в эстампах», вовсе до географии не относятся, хотя авторы и оговариваются в предисловии, что хотели представить в них «особенности каждой страны, характер, нравы и обычаи каждого народа». Нам скорее сдается, что цель этих повестей не что иное, как наши старые знакомые — нравоучения, насчет которых так любят прохаживаться сочинители детских книжек.

Нравоучения эти следующего сорта. Девушка приобрела пятнадцать су, на которые и располагает купить себе ленту. Но, идя в этих мыслях домой, она встречает на дороге сперва старика нищего, потом старуху нищую и, наконец, нищего мальчика, и, разумеется, по издавна заведенному в нравоучительных повестях порядку, отдает им все деньги. Покамест все идет хорошо; девушка

делает добро по влечению своего детски невинного сердца, потому что добро само в себе имеет для нее необыкновенную прелесть и обаяние. Казалось бы, и дело с концом; так нет! тут-то именно и оказывается фарисейское поползновение нравоучительной повести. На девушку нападает вдруг разбойник, или, как говорит переводчик, «мужчина с злобным видом». Ее спасает... как бы вы думали — кто? именно тот самый слепой и дряхлый нищий, которому утром она подала пять су. В деревне показывается пожар; огонь уже добирается до сена, принадлежащего благодетельной девушке... Вы думаете, сено стгорит? как вы просты! а на какой же конец бременит собой землю старуха нищия? даром, что ли, подали ей пять су? и действительно, она весьма кстати поспевает, чтобы предупредить свою благодетельницу об ожидающем ее бедствии, — и... дело слажено! у других соседей сено стгорело, другие без хлеба, а у нее, благонамеренной и добродетельной, и сено цело, и хлебец есть! Это последнее обстоятельство особенно утешительно; но история им не оканчивается, потому что ведь и с бедного мальчика нужно же что-нибудь сорвать за поданные ему пять су. Действительно, в скором времени на девушку нападает большая собака и уже делает «большой скачок» (?)... так и ждешь, что вот кончится достославная жизнь бедной девушки. Не тут-то было! как гриб, вырастает из земли бедный мальчик, бросает в собаку свой топор, и животное с «окровавленную мордою» издыхает тут же. Здесь и кончается повесть, мораль которой, если не ошибаемся, может быть вполне выражена в следующих немногих словах: быть добрым никогда не мешает, потому что это дает человеку возможность спекулировать на услугу во сто раз большую со стороны облагодетельствованного субъекта. Впрочем, с равною достоверностию можно предположить, что если благодетельная девушка, не давши заранее бедному мальчику пяти су, опять встретится с бешеною собакою, то бедный мальчик не поспешит уже к ней на помощь и не бросит в собаку своего топора. Отсюда новая мораль: не подавши заранее пяти су бедному мальчику, всячески избегай встреч с бешеными собаками.

Но положим даже, что нравственная цель повести хороша, — спрашивается: что общего между географией и нравственностию?

Перевод из рук вон плох: видно, что переводчик не имеет никакого понятия ни о географии, ни о французском языке. Нант он называет Нантесом; *c'est toute une histoire* — выходит у него: «вот вся история». На каждом шагу встречаются выражения, подобные следующим: «вы возвратили супруга его милой половине», или: «тьфу, это глупость!», что в подлиннике значит: *mais bas! tout cela c'est de la folie!* или «дверь с большой стучалкой» (то есть с молотком). Но всего любопытнее следующая фраза: «Вольмар представлял студента-кокета, что называли в университете — Алутгом». Что бы это такое значило?

Что касается до «Курса физической географии» г. Петровского, то книга эта составлена с большим старанием и знанием дела. Видно, что автор следит за успехами своей науки: в сочинение его вошли результаты всех изысканий Гумбольдта, Форстера, Скорезби, Лапласа, Кемтца, Буха, Гоффа и других. Желательно бы было, чтобы книга г. Петровского была принята, как руководство, не в одном Ришельевском лицее, но и в других учебных заведениях, тем более что и самое изложение ее чрезвычайно просто и общепонятно.

Издание обеих книг красиво; к «Географии в эстампах» приложены весьма удовлетворительные литографии.

Странная, право, участь детей! Чему не учат их, каких метод не употребляют при преподавании? Их обучают и истории, и нравственности; им объясняют их долг, их обязанности, — всё предметы, как видите, совершенно отвлеченные, над которыми можно бы было призадуматься и не ребенку. Одно только забывают объяснить им мудрые наставники: именно то, что всего более занимает пытливого ум ребенка, то, что находится у него беспрестанно под глазами, те предметы физического мира, в кругу которых он вращается. А оттого-то и случается, что человек, сошедший с школьной скамьи, насытившийся вдоволь и греками и римлянами, узнавший вконец все свойства души, волн и других невесомых, при первом столкновении с действительностию, оказывается совершенно несостоятельным, при первом несчастии упадает духом; и если, по какому-нибудь случаю, любезные родители не приготовили ему ни душ, которые бы могли прокормить вечного младенца, ни сердобольных родственников, ни даже средств для выгодной карьеры, — наш философ умирает с голоду именно потому, что любезные родители никак не могли предвидеть подобный пассаж.

По-настоящему следовало бы изучить натуру ребенка, подстеречь его склонность при самом его рождении, не навязывать ему такой науки, которая или антипатична, или не по летам ему, — но нет! не тут-то было! На что же и существуют возлюбленные родители? В их уме уже заранее начертаны все занятия, все судьбы будущего ребенка их; на то он и рождение их, их собственное рождение, чтобы они могли располагать им по произволу; и уж как ни бейся бедный ребенок, а не выйти ему никогда из этого волшебного круга! И потому юноши, в которых эта система постепенного ошеломления не совсем еще потушила энергию пытливого духа, обыкновенно, по выходе из школы, начинают сами сызнова свое образование, но и тут, лишенные помощи живого слова, в борьбе с беспрестанно возрастающими недоразумениями, большей частью падают под бременем своего тяжкого перевоспитания. Что же касается до остальных, а этих остальных более девяти десятых, то они уже навсегда пребывают в состоянии совершенного нравственного одурения.

На такие грустные мысли навело нас руководство г. Фолькера, переведенное на русский язык г. М—чем. Переводчик предполагает, что сочинение это, «кажется, лишнее в русской исторической литературе». Мы, напротив, уверены, что оно совершенно лишнее, потому что достоинством несколько не превосходит знаменитой истории г. Кайданова, а в изобилии фактов далеко ей уступает.

Впрочем, надо сказать и то, что если понимать как следует всемирную историю, если видеть в ней полное, логически-последовательное изложение тех различных моментов, через которые прошло человечество в своем постепенном развитии, то нельзя не прийти к заключению, что всемирная история, как наука по преимуществу синтетическая, должна быть наукою мужей, а не детей, должна быть венцом, а не началом человеческого образования.

Бедную память ребенка истязуют, загромождают кучею ненужных чисел, сонмищами безразличных, мелочных, никуда не ведущих и ничего не объясняющих фактов. Диво ли, что после такого ежедневного бичевания человек делается неспособным к принятию самой простой истины, как скоро только она переходит за пределы мертвой буквы. Ребенок видит в саду цветов; он хочет знать его составные части, хочет добиться до законов его питания, прозябания... Увы! тут стоит величавая фигура педагога, гласящего ему: поди-ка лучше возьми в

руки историю г. Фолькера: там ты увидишь, что «Кекропс, из Египта, научил греков земледелию; Кадм, из Финикии, искусству писать; Данай, приехавший в Грецию, был также Египтянин, и Пелопс, от которого Пелопонез (ныне Морея) получил свое название, прибыл из Малой Азии».

Спрашивается: что это такое? что такое Данай, который приехал из Египта, и Пелопс, который прибыл из Малой Азии? и что такое вся история г. Фолькера, как не афишка, на которой без разбора и системы напечатаны имена актеров?

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВОЕННОМ КРАСНОРЕЧИИ. Составил П. Лебедев. С.-Петербург. 1847

Небольшая брошюра г. Лебедева содержит в себе несколько замечаний об истинном характере военного красноречия. Между прочим, в ней показывается, как иногда несколько слов красноречивого полководца, удачно и вовремя высказанных, бывает достаточно для того, чтоб двинуть на смерть целые массы людей. Доктор Крупов, пожалуй, нашел бы в различных чертах воинского героизма и самоотвержения, приведенных в брошюре г. Лебедева, немаловажный аргумент в подтверждение остроумной своей теории, — но кто же не убежден вполне, вместе с автором, что такие черты «облагороживают человечество, возносят душу над мелочами обыкновенной жизни»? Ведь надо весьма и весьма высоко стоять над мелочами обыкновенной жизни, чтобы по слову полководца пренебречь всем, принести в жертву всё: и семью, и имущество, и... даже собственную жизнь! Только воины способны стать на такую недосягаемую высоту; только им — первостепенной красе и олицетворенному могуществу народа, вполне доступно такое необыкновенное самоотвержение! Что же касается до так называемых мирных граждан, то они — дело известное — редко умеют стать выше стремлений личного эгоизма... Для того чтобы сделать из самоотвержения свою специальность, надо иметь особо устроенный организм: не всякий может возвыситься до той идеи, что природа создала нас не столько для того, чтоб быть людьми, сколько для того, чтоб быть воинами и гражданами...

К брошюре г. Лебедева приложено несколько замечательнейших речей и приказов. Между ними особенного внимания заслуживают отрывки из приказов Суворова. Читая их, невольно изумляешься тому искусству, с каким умел этот необыкновенный человек приспособлять свое красноречие к натуре русского солдата. Ясно видно, что эту натуру он изучил со всей подробностью, знал ее вдоль и поперек.

ЛОГИКА. Соч. профессора Могилевской семинарии Никифора Зубовского. Санктпетербург, в типографии Иверсена, в 8-ю д. л. 103 стр

И в наше время существуют еще люди с наивным убеждением, что логика может научить человека мыслить. Вот хоть бы автор разбираемой нами книги: он даже признается, что ему «трудно понять», как некоторые люди осмеливаются отнимать у логики законное ее право, тогда как эти же самые люди не видят ничего смешного и невозможного в желании учить людей эстетическому вкусу.

Скажем, однако ж, с своей стороны г. Зубовскому, что он очень ошибается, утверждая, что никому не кажется странным учить эстетическому вкусу. Разумеется, никто не находит ни невозможным, ни предосудительным изучение законов вкуса, никому не придет в голову назвать смешным стремление познать самого себя, привести в ясное сознание те законы, по которым человек мыслит, чувствует и действует, но учить мыслить, учить чувствовать... трудную задачу взяли вы на себя, г. Зубовский!

Научить человека, произвести в нем нравственный переворот может только долгая жизнь, долгий, часто тяжелою ценою приобретаемый опыт, но отнюдь не логика, не эстетика и т. д. Правильное, здоровое мышление вырабатывается в человеке непомерно долго и стоит невероятных усилий, упорной, настойчивой борьбы. Поверив же на слово г. Зубовскому, подумаешь, что стоит только взять его книгу, выучить ее от доски до доски наизусть — и будешь умен, будешь правильно мыслить. Все это происходит от того, что господа сочинители логик непременно хотят, чтобы наука их была полезною наукою, а уж под пользою бог знает чего не разумеют они! Конечно, если смотреть на логику, как на науку, имеющую предметом открытие критериума достоверности, то она, несомненно, будет иметь свое практическое приложение, но эта-то, можно сказать, главная задача логики именно и ускользает от исследований близоруких ее атлетов, и наука поневоле делается сборником разных пустых формальностей и умственных гимнастических упражнений.

Посмотрим, однако же, каким образом г. Зубовский учит мыслить своих читателей.

Издавна, со времен Аристотеля, основателя формальной логики, последователи его признают одну только форму мышления — форму силлогизма. Что же такое силлогизм? Силлогистическая форма мышления, отвечают все логики, есть нечто иное, как извлечение из одного общего предложения, рассматриваемого как причина, как содержащее, предложения частного, принимаемого как следствие, как содержимое. Оба эти термина соединяются между собою третьим, который представляет их взаимное отношение. В самом определении силлогизма видна уже вся его несостоятельность, потому что общее предложение, на котором все зиждется, не может быть ничем другим, как произвольно взятою ипозезною. Вы хотите, например, узнать, смертны ли вы — силлогизм смело отвечает вам: человек смертен, вы человек; след., вы смертны... Каким образом дошел он до сознания, что человек смертен — он и сам не понимает, хоть иногда и чудится ему, будто сквозь сон, что он узнал о смертности человека именно потому, что наверное знает, что и вы смертны, и Иван смертен, и т. д. Спрашивается: какое из двух сравниваемых предложений одно другое доказывает? и что такое самый силлогизм, как не бесконечный, безвыходный круг, в котором общее предложение доказывается частным и потом в свою очередь доказывает частное и т. д.

А угодно ли вам знать, каким образом человек достигает этих непреложных истин, которые ставятся потом в челе силлогизма и составляют основание и жизнь его?

На этот счет мы встречаем у Дюмон-Дюрвиля весьма поучительный анекдот. Несколько туземцев Новой Голландии собрались около утеса и свистали. Во время этого приятного занятия утес оборвался и, разумеется, передал их всех.

Вы скажете, что все это произошло весьма естественно, что утес сорвался силою своей собственной тяжести, от уничтожения связи, соединявшей его до тех пор с горою... Но ведь это говорите вы, материалист, а житель Австралии, глубоко-мысленный житель, сейчас воспользуется подмеченным явлением и не преминет сделать следующий силлогизм: «утес, — скажет он себе, — стоял крепко на своем месте; к нему подошли люди, начали свистать, и он обвалился; следовательно, стоя около утеса, никак не надо позволять себе свистать: иначе он обрушится и раздавит меня». И бедный житель Австралии, оцепленный этим силлогизмом, не смеет сделать свободного движения, отказывает себе в удовольствии свистать; для него предложение «не должно свистать у подножия утесов» уже делается, в свою очередь, общим предложением и разрождает из себя целые сонмища замысловатых силлогизмов.

Но бедные жители Европы строят иногда силлогизмы даже почище бедных жителей Полинезии. Нам случалось однажды слышать, как один господин весьма серьезно уверял другого, весьма почтенной наружности, но поскромнее, что тот должен ему повиноваться, делая следующий силлогизм: я человек, ты человек, следовательно, ты раб мой. И смиренный господин поверил (такова ошеломляющая сила силлогизма!) и отдал тому господину всё, что у него ни было: и жену, и детей, и, вдобавок, остался даже очень доволен собою...

Г. Зубовский, в свою очередь, никак не хочет отстать в изобретательности от подобных господ и строит такого рода силлогизм: «Все люди смертны; все смертные существа телесны; следовательно, некоторые телесные существа суть люди». Отчего же «некоторые»? Логическая последовательность повелевает сказать: «все телесные существа люди». Следуя этой методе, можно с успехом построить даже и такой силлогизм: сапоги смертны; человек не сапог; следовательно, человек бессмертен.

Но г. Зубовский и против этого придумал различные предостерегательные меры. Он предлагает для руководства при упражнении в построении силлогизма бесчисленное множество гимнастических и стратегических подробностей, каким образом избегать силлогизмов плешивых, рогатых, луинов, крокодилов и т. д. Он не спорит, что такой силлогизм, как, например, «человек есть земля («земля еси и в землю отыдеши»); но земля есть планета, следовательно, человек — планета», есть плешивый силлогизм, более приличный в устах суетного водевилиста, нежели в голове здравомыслящего человека; но спрашивается: чем же этот силлогизм хуже приведенного нами выше и утверждающего, что некоторые телесные существа суть люди?..

ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОТЕМКИН.
Историческая повесть для детей. Соч. П. Фурмана. В двух частях, с 20-ю картинками, рисованными Р. К. Жуковским. Санкт-петербург. В тип. военно-учебных заведений. 1848. Две части. В 12-ю д. л. В I 139, во II 151 стр

Не знаем, решительно не знаем, полезно ли детям чтение повестей, и в особенности исторических, подобных той, которую написал г. Фурман. Нам кажет-

ся, что с детьми особенно опасно шутить — а из всех шуток чтение повестей едва ли не самая негодная для ребенка. Мы можем представить себе, например, что чтение биографий Плутарха может принести пользу ребенку: там всякое слово — истина, каждая черта взята из действительности, так что ребенок, читая Плутарховых знаменитых людей, свыкается с жизнью и не только получает совершенно верные и здравые понятия о различных эпохах и странах древнего мира, но и для себя собственно извлекает весьма важный практический результат от этого чтения. Люди, с которыми знакомится он, — люди живые, люди с плотью и кровью, и если можно справедливо предположить, что общество, среди которого человек живет, может переработать его натуру, то точно такое же благотворное влияние имеет на природу ребенка и чтение, подчиненное строгому выбору.

Поэтому мы никак не думаем отвергать пользу, которую могло бы принести сочинение г. Фурмана, если бы оно было хорошо задумано и исполнено. Но в том-то и беда, что автор впал в этом случае в ошибку, общую всем детским писателям. Писатели этого рода непременно хотят обращаться с детьми не как с людьми, а как с низшими организмами, немного чем повыше минералов. Они решительно не хотят понять, эти добрые люди, что дети, в своей, то есть приличной степени их развития, сфере, точно так же взрослые, как и самые взрослые; разница только в том, что одни начинают, а другие продолжают или кончают, и если некоторые знания неудобны для детей и несогласны с складом их ума, то это потому, что, по самой своей сложности, эти знания предполагают наличие других знаний, менее сложных, и что развитие человека требует постепенности и никогда не совершается скачками. Если вы будете толковать ребенку о свойстве души, когда он не знает ни на волос о свойствах предмета более ему близкого — о свойствах его брэнного маленького тела, естественно, что философия покажется ему пугалом, на которое он будет смотреть не иначе, как со страхом и отвращением. Из этого, казалось бы, должно вывести то прямое следствие, что ребенку не под силу философия, что ему не нужно набора слов о свойствах души и т. д.; но педагоги и знать ничего не хотят... В пылу своего варварского прозелитизма они во что бы ни стало хотят вдолбить ребенку несвойственную его возрасту науку, и на этот конец выдумывают для него другую философию, еще нелепее их ординарной — философию детскую. Странное дело! никто не требует от ребенка, чтоб он читал, не зная азбуки, а между тем всякий считает себя вправе навязывать ему понятия об обязанностях, о долге и т. п., чего он никак не понимает! Вот, например, г. Фурман издал детскую биографию Потемкина. Ну, кажется, отчего бы и не узнать детям жизни одного из знаменитейших людей времен Екатерины, особенно если жизнь эта хорошо рассказана?.. Но г. Фурман никак не может упустить из виду, что дитя существо малое, неразумное, что ему, дескать, надобно легонькую историю и, главное, с нравственною приправой. Поэтому все сочинение его преисполнено моральных сентенций, и где Потемкин, по мнению автора, поступает хорошо — там так и говорится, что вот это, мол, хорошо, и этому надо подражать, а где встречается безнравственный поступок, там дети предупреждаются, что это, мол, безнравственно и что таким образом поступать не следует...

Автору очень хорошо известно, что взрослый человек отнюдь не возьмет себе примером для подражания ни Потемкина, ни другого, ибо взрослый человек

знает, что обстоятельства жизни у всякого различны и своеобразны: поэтому г. Фурман и не претендует, чтоб книгу его читали взрослые, и заранее оговаривается, что это, дескать, повесть для детей... Для детей! Но какое право имеете вы заключать, что детям будет интересно читать вашу повесть, когда в ней действуют не живые люди, а какие-то образы без лиц, ходячие сентенции? Почему вы думаете, что если взрослому покажется диким, будто двенадцатилетний Потемкин не хуже любого сентиментального господина «крепко жмет руку матери от умиления при виде Москвы», то еще большею буквою не покажется это ребенку? Какую пользу может принести детям ничего не говорящее рассуждение о дружбе (ч. II, стр. 7—10)? Какого, например, практического результата желает достигнуть автор своими анекдотами о разных кривых толках иностранцев про Россию? Приводим один из этих анекдотов:

«Другой (автор говорит об иностранцах, писавших о России), обедая однажды у Русского, слышал, как маленький сынок хозяина беспрестанно просил квасу, когда отец его пил, говорил: и мне, папенька, и мне! и уверяет, что в России есть особенный напиток, который называется Нуменее».

Или:

«Третий заметил у Большого театра костры, у которых зимою, во время спектаклей, греются кучера и извозчики, говорит, что зимою в Петербурге бывает иногда так холодно, что топят улицы».

Право, поверить на слово г. Фурману, так выходит, что все иностранцы преглупейший народ; но, как справедливо замечает потом сам автор:

«Невежда похвалы малейшей не умалит,

И то не похвала, когда невежда хвалит».

Итак, иностранцы могут быть покойны; только все-таки не понимаем, в какой мере полезны подобные анекдоты в детской книге.

А между тем намерение г. Фурмана, очевидно, было похвальное...

Издание чисто и красиво; к книге приложено двадцать рисунков г-на Жуковского, из которых некоторые сделаны весьма удачно.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СУВОРОВ-РЫМНИКСКИЙ. Историческая повесть для детей. Соч. П. Р. Фурмана, в двух частях, с 20-ю картинками, рисованными Р. К. Жуковским. Изд. А. Ф. Фарикова. Санктпетербург. 1848. В тип. К. Крайя. В 12-ю д. л. 144 и 179 стр

СААРДАМСКИЙ ПЛОТНИК. Повесть для детей. Соч. П. Фурмана. Санктпетербург. 1847. В тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи. Две части. В 12-ю д. л. 120 и 112 стр

Еще г. Фурман и еще детская история! Не далее как в прошлом месяце мы говорили об одном детском произведении г. Фурмана, как вот являются на сцену еще две такие же книжки...

Если доселе существовало мнение, что плодовитость есть качество, исключительно принадлежащее французским романистам, г. Фурман делает это мнение